

**Нет автора**

**Русская старина**

**1885. 7\_9**

УДК 304  
ББК 60.5  
Н57

Н57 **Нет автора**  
Русская старина: 1885. 7\_9 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 559 с.

**ISBN 978-5-458-02799-1**

**ISBN 978-5-458-02799-1**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



сочайшее соизволеніе на исполненіе его просьбы, но въ то же время секретно сообщилъ ему высочайшую волю исполнить прежде отъѣзда изъ Петербурга особое порученіе государя. Немедленно Филаретомъ получено было подлинное письмо цесаревича Константина Павловича къ императору, въ которомъ заключалось торжественное отреченіе его отъ наслѣдованія всероссійскаго престола. И вотъ, московскому архіепископу теперь поручалось написать проектъ высочайшаго манифеста о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича, съ тѣмъ, чтобы потомъ этотъ государственный актъ, оставаясь въ глубокой тайнѣ, хранился въ московскомъ Успенскомъ соборѣ до того времени, когда настанетъ время для его исполненія. По поводу способа хранения акта, Филаретъ сдѣлалъ весьма серьезное возраженіе. Онъ показалъ, что храненіе акта въ глубокой тайнѣ въ Москвѣ и имѣющее быть восшествіе на престолъ въ Петербургѣ находятся между собою въ несоотвѣтствіи, тогда какъ между ними должна быть самая тѣсная связь. На этомъ основаніи, по совѣту московскаго архіепископа, сдѣлано было тайное высочайшее повелѣніе хранить списки съ акта отреченія и въ С.-Петербургѣ при государственномъ совѣтѣ, синодѣ и сенатѣ. Составивъ и вручивъ проектъ высочайшаго манифеста князю Голицыну, преосвященный Филаретъ исходатайствовалъ себѣ прощальную аудіенцію у государя, который принялъ его въ Царскомъ Селѣ. О составленномъ Филаретомъ государственномъ актѣ знали только два самыя близкія къ государю лица—это Голицынъ и Аракчеевъ.

25-го августа 1823 года государь прибылъ въ Москву. На третій день по своемъ приѣздѣ, именно 27-го августа, онъ прислалъ архіепископу Филарету утвержденный актъ, съ приложеніемъ въ подлинникѣ письма цесаревича, въ запечатанномъ конвертѣ, на которомъ находилась слѣдующая собственноручная надпись государя: „Хранить въ московскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генераль-губернатору прежде всякаго другаго дѣйствія“.

Послѣ продолжительнаго совѣщанія съ графомъ Аракчеевымъ, архіепископъ московскій, 29-го августа, въ полдень, когда въ Успенскомъ соборѣ никого не было, исключая протопресвитера, саквелларія и прокурора синодальной конторы, вошелъ въ алтарь,

открылъ ковчегъ съ государственными актами и положилъ туда врученный ему актъ отреченія Константина Павловича, затѣмъ заперъ и запечаталъ его. Тутъ-же архіепископъ объявилъ всѣмъ присутствующимъ высочайшую волю о храненіи въ совершеннѣйшей тайнѣ того, что они видѣли.

19-го ноября 1825 года послѣдовала, какъ извѣстно, смерть императора Александра I. О кончинѣ императора архіепископъ Филаретъ узналъ отъ одного частнаго лица только 29-го ноября. Утромъ слѣдующаго дня онъ отправился въ генераль-губернатору для совѣщанія. Сразу выступило на видъ не мало затрудненій. Очень легко могло случиться, что храненіе акта о назначеніи на престолъ великаго князя Николая Павловича въ глубокой тайнѣ простерлось до того, что о существованіи его не могло быть извѣстно даже самому великому князю Князю Константину Павловичу и потому изъ Варшавы, гдѣ тогда онъ находился, могъ послѣдовать въ Москву манифестъ о вступленіи на престолъ Константина Павловича прежде полученія манифеста изъ Петербурга о вступленіи на престолъ Николая Павловича. Но затрудненія увеличились еще болѣе нѣкоторыми другими случайными обстоятельствами. Вечеромъ того-же дня генераль-губернаторомъ было получено письмо отъ петербургскаго генераль-губернатора графа Милорадовича, въ которомъ послѣдній извѣщалъ, что въ Петербургѣ уже принесена присяга въ вѣрности императору Константину Павловичу, что первый присягнулъ великій князь Николай Павловичъ, который непремѣнно желаетъ, чтобы то же самое было сдѣлано и въ Москвѣ. Въ письмѣ Милорадовича находилось также требованіе, чтобы не была отрываемая и обнародываемая бумага, хранящаяся въ Успенскомъ соборѣ.

На основаніи письма Милорадовича, московскій генераль-губернаторъ настойчиво проводилъ ту мысль, что нужно принять присягу императору Константину Павловичу и въ Москвѣ, коль скоро она принесена въ Петербургѣ. Архіепископъ московскій на предложеніе генераль-губернатора возражалъ, что письмо Милорадовича не можетъ имѣть вполне оффиціальнаго значенія въ такомъ важномъ дѣлѣ и напротивъ утверждалъ, что для принесенія государственной присяги въ церкви необходимъ государственный актъ, а также и указъ изъ св. синода. Въ то-же са-

мое время вопросъ о присягѣ въ Москвѣ осложнялся тѣмъ, что еще не было хорошо извѣстно то, какъ отнесется къ вопросу о присягѣ сенатъ.

Оберъ-прокуроръ общаго собранія сената, князь П. П. Гагаринъ, составилъ экстренное засѣданіе сената, на которомъ сенатъ составилъ опредѣленіе въ пользу принесенія присяги Константину Павловичу. Архіепископъ Филаретъ, хотя и не безъ колебаній, согласился, наконецъ, на принесеніе присяги. Отказъ его отъ присяги Константину Павловичу не имѣлъ бы смысла послѣ того, какъ ему стало извѣстно, что Петербургъ присягнулъ Константину.

30-го ноября вся Москва присягнула императору Константину Павловичу.

Но 17-го декабря генераль-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, получилъ собственноручный рескриптъ государя императора Николая Павловича о восшествіи его на престолъ. Вечеромъ того же дня полученъ былъ и высочайшій манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая I и въ то-же время прибылъ въ Москву, по высочайшему повелѣнію, генераль-адъютантъ графъ Комаровскій для присутствованія при открытіи копии манифеста и подлиннаго отреченія цесаревича, хранившихся въ Успенскомъ соборѣ.

По предложенію преосвященнаго Филарета, въ одну ночь были напечатаны манифесты для того, чтобы 18-го декабря они могли быть прочитаны предъ присягою во всѣхъ церквахъ столицы. 18-го числа, предъ полуднемъ, въ большомъ Успенскомъ соборѣ собрались сенаторы, военные и гражданскіе чины столицы. Архіепископъ московскій, въ полномъ облаченіи, въ предшествіи духовенства вышелъ изъ алтаря, неся надъ головою серебряный ковчегъ, въ которомъ хранятся государственные акты, остановился предъ приготовленнымъ на пред-алтарномъ амвонѣ облаченномъ аналогіи и, имѣя предъ собою ковчегъ, сказалъ рѣчи народу. Послѣ рѣчи, ковчегъ, по снятіи печати, былъ раскрытъ, изъ него вынутъ былъ конвертъ, печать на немъ и собственноручная надпись въ Божѣ почившаго императора Александра I были освидѣтельствованы близъ стоявшими московскимъ генераль-губернаторомъ и генераль-адъютантомъ графомъ Комаровскимъ. Затѣмъ самъ архіепископъ прочиталъ высочайшій ма-

нифестъ императора Александра Павловича, съ приложеннымъ при немъ въ подлинникъ отреченіемъ цесаревича Константина Павловича отъ права на наслѣдованіе престола. Затѣмъ, по прочтеніи новаго манифеста государя Николая Павловича, приступлено было къ принесенію новой присяги.

По требованію обстоятельствъ, архіепископъ московскій нашелъ нужнымъ чтеніе формы присяги предначать слѣдующимъ образомъ: „По уничтоженіи силы и дѣйствія прежней присяги, непреклоннымъ отреченіемъ того, кому она дана, азъ нижеименованный“ и пр....

Вызванное обстоятельствами, предисловіе присяги сопровождалось въ Москвѣ разными толками. Нѣкоторые въ этомъ предисловіи находили успокоеніе для своей мнительности, вызывавшейся мыслию о предшествовавшей присягѣ. По мнѣнію другихъ, архіепископъ принялъ на себя не принадлежащую ему власть разрѣшать отъ присяги. По мнѣнію же самого архіепископа, онъ произнесъ не разрѣшеніе отъ присяги, а только свидѣтельствовавъ, что сила и дѣйствіе прежней присяги сами собою уничтожились непреклоннымъ отреченіемъ отъ престола того, кому она дана.

Мы передали рассказъ о восшествіи на престолъ Николая I, придерживаясь одного источника. Это — „Воспоминанія митрополита Филарета, относящіяся къ восшествію на престолъ государя императора Николая Павловича“ <sup>1)</sup>. Записки другихъ современниковъ вносятъ въ рассказъ о московской присягѣ еще одну весьма замѣчательную подробность. По словамъ записокъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго <sup>2)</sup>, архіепископъ московскій Филаретъ, „прежде нежели приступитъ къ присягѣ, осѣняя всѣхъ, громогласно сказалъ: разрѣшаю и благословляю. Это неожиданное изреченіе архипастыря произвело удивительное дѣйствіе, въ особенности, когда, оно разнеслось между народомъ“. Въ воспоминаніяхъ Филарета, относящихся къ восшествію на престолъ императора Николая I, не говорится объ этомъ обстоятельстве ни полслова. Авторъ записокъ о жизни митрополита Филарета, Н. В. Сушковъ, сообщаетъ, что митрополитъ, прочитавъ вышеприведенныя строки изъ запи-

<sup>1)</sup> „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1868 г., январь, изъ бумагъ митр. Филарета.

<sup>2)</sup> „Русскій Архивъ“ 1867 г., № 10.

сокъ графа Евграфа Федотовича, написалъ ему, отъ 8 ноября 1867 года, что будто бы „гр. Комаровскій сказалъ не то, что было, и уклонился отъ истины, присовокупивъ, что слова разрѣшаю и благословляю не могли быть имъ сказаны, потому что въ словахъ сихъ нѣтъ опредѣленнаго понятія и смысла. Архіепископъ не принималъ на себя разрѣшить отъ присяги, да и не было въ семъ нужды; нужно было только объявить, что присяга уничтожилась сама собою... Вотъ слова и дѣйствія архіепископа: по уничтоженіи силы и дѣйствія данной присяги непреложнымъ отъ нея отреченіемъ того, кому она была дана, азъ нижепоименованный обѣщаюсь и клянусь...“ и пр <sup>1)</sup>. Весьма затруднительно разобратъ въ противорѣчивыхъ указаціяхъ двухъ современниковъ и очевидцевъ одного и того же описываемаго ими событія.

Близкій родственникъ (зять) графа Е. Ѳ. Комаровскаго, автора записокъ, С. Комовскій напечаталъ замѣтку <sup>2)</sup>, въ которой старался возстановить достовѣрность разсказа Е. Ѳ. Комаровскаго. „Записки не дневникъ, пишетъ въ своей замѣткѣ г. Комовскій, и въ нихъ, конечно, могутъ вкратъся невольно по забывчивости или за дальностію времени какія нибудь неточности въ подробностяхъ излагаемаго событія. Но въ данномъ случаѣ ничего подобнаго быть не могло. Событіе было слишкомъ важно для всей Россіи вообще и для графа Е. Ѳ. въ частности: онъ былъ нарочно посланъ въ Москву государемъ императоромъ, который внимательно слѣдилъ за всѣми обстоятельствами московской присяги. Возможно-ли, чтобы по возвращеніи въ Петербургъ онъ передалъ неточно исполненнаго великаго смысла и важнаго значенія слова московскаго архіепископа? При томъ-же слова эти произнесены во всеуслышаніе при огромномъ стеченіи всѣхъ сословій древней столицы. Рѣшительный образъ дѣйствія въ тогдашніе дни недоумѣнія тотчасъ сдѣлался извѣстенъ повсюду и оцѣненъ всѣми. И теперь еще (1868 г.) есть живыя лица, которыя слышали слова эти; такъ, напримѣръ, бывший оберъ-прокуроръ московскихъ департаментовъ правительствующаго сената, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, или тогдашній адъютантъ московскаго генераль-губернатора, Петръ Петровичъ Новосильцевъ,

<sup>1)</sup> Сушковъ, 199—200.

<sup>2)</sup> Русскій Архивъ 1868 г., № 6, стр. 1038—1040.

оба находившіеся въ Успенскомъ соборѣ и въ самой близости отъ мѣста дѣйствія, конечно, могутъ припомнить слова эти и подтвердить полнѣйшую истину разсказа, находящагося въ запискахъ графа Комаровскаго, писанныхъ всего лѣтъ черезъ пять послѣ самаго событія. Итакъ, скорѣе слѣдуетъ предположить, что въ этомъ случаѣ естественно слабѣющая съ лѣтами память высокопреосвященнѣйшаго митрополита могла невольно измѣнить ему: досточтимый архипастырь писалъ свое письмо Н. В. Сушкову за десять дней до своей кончины и при томъ писалъ о томъ, что происходило сорокъ два года назадъ“.

Ссылка С. Комовскаго на князя П. П. Гагарина подтверждается подлиннымъ его письмомъ, находящимся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», полученнымъ М. И. Семейскимъ въ 1874 г. въ даръ отъ К. В. Чевкина.

Князь Петръ Андреевичъ (Вяземскій) обратился къ князю П. П. Гагарину съ просьбою опредѣлить степень достовѣрности разсказа Филарета о московской присягѣ 1825 года. Ближайшимъ поводомъ къ такому обращенію послужили только что обнародованныя въ то время (въ 1868 году) въ печати <sup>1)</sup> „Воспоминанія Филарета, относящіяся къ восшествію на престолъ государя императора Николая Павловича“.

Вотъ письмо князя П. П. Гагарина къ князю П. А.

„Милостивый государь, князь Петръ Андреевичъ! Въ отвѣтъ на записку вашего сіятельства считаю долгомъ объяснить.

„Прочитавъ выписку, помѣщенную въ журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“, я съ удивленіемъ удостовѣрился въ томъ, что памятные записки покойнаго митрополита Филарета были имъ написаны не во время происшествія, а послѣ, когда онъ ихъ редактировалъ, такъ, какъ считалъ удобнѣе, позабывъ уже строгую точность фактовъ. Я полагаю, что исправленіе этой неточности было-бы полезно; но обращаясь къ той мысли, что оно возбудило-бы неудовольствіе лицъ, причисляющихъ покойнаго митрополита къ святымъ, чего я для него желаю отъ всего сердца, я предоставляю исправленіе это времени, когда появятся другія записки, вѣроятно существующія у многихъ присутствующихъ при священнодѣйствіи Филарета и при предшествовавшихъ этому обстоятельствахъ. Всѣ сношенія митрополита съ властями въ то время шли черезъ меня, но я не желаю, чтобы мое имя было помѣщено въ противоборство съ памятью о митрополитѣ, но если требуется мое свидѣтельство въ томъ, что слова „разрѣшаю и благословляю“ были имъ сказаны, то не могу отказать въ удостовѣреніи, что эти слова были имъ дѣйствительно сказаны, потому что я въ виду цѣлаго Успенскаго собора

<sup>1)</sup> Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1868 г. январь.

стоялъ рядомъ съ нимъ, когда онъ ихъ произносилъ, и полагаю, также какъ и г. Комовскій, что въ этомъ память покойному митрополиту измѣнилась.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности князь П. Гагаринъ“.

Марта, 1868 г.

Князь П. П. Гагаринъ умеръ 21 февраля 1872 года въ званіи члена государственнаго совѣта и предсѣдателя комитета гг. министровъ <sup>1)</sup>.

Въ виду таковаго рода вѣскихъ и единогласныхъ свидѣтельствъ слѣдуетъ скорѣе согласиться съ тѣмъ, что митрополитъ Филаретъ дѣйствительно запамятовалъ нѣкоторыя подробности полныхъ замѣшательствъ и безповойствъ событій 1825 года—тѣмъ естественнѣе, что онъ свои воспоминанія писалъ въ 1845 году, т. е. ровно двадцать лѣтъ спустя послѣ совершившихся событій.

По случаю восшествія на престолъ императора Николая I архіепископъ Филаретъ получилъ 25 декабря 1825 года высочайшую грамоту и при ней брилліантовый крестъ для ношенія на влобугѣ.

По поводу полученія этой награды Филаретъ говорилъ: „я, конечно, радъ высочайшему награжденію меня брилліантовымъ крестомъ, но не менѣе и тому, что съ меня наконецъ снятъ тяжкій крестъ“.

Здѣсь, конечно, владыка имѣлъ въ виду тѣ затруднительныя обстоятельства, которыя пришлось ему пережить до времени обнародованія столь великой важности ему извѣстныхъ документовъ, касающихся вопроса о престолонаслѣдіи послѣ смерти императора Александра I <sup>2)</sup>.

Филаретъ былъ въ числѣ архіереевъ, участвовавшихъ въ коронованіи императора Николая Павловича, происходившемъ 22 августа 1826 г. При священнодѣйствіи коронованія онъ занималъ

<sup>1)</sup> Некрологъ его въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., мартъ. Подлинное письмо кн. П. П. Гагарина было передано имъ К. В. Чевкину, который, съ согласія кн. Павла Павловича, не передалъ кн. Вяземскому, но отдалъ въ собственность ред. „Русской Старинѣ“.

— „Впослѣдствіи напечатайте этотъ документъ“—замѣтилъ Константинъ Владиміровичъ, передавая этотъ документъ вмѣстѣ съ прочими бумагами.

Ред.

<sup>2)</sup> „Душеполезное Чтеніе“ 1871 г., май, 12—13.

третье мѣсто. Первенствовалъ митрополитъ Серафимъ. Во время коронаціи Филаретъ отличился какъ проповѣдникъ. Онъ говорилъ привѣтственную рѣчь государю. По случаю коронаціи императора Николая Филаретъ былъ пожалованъ саномъ митрополита, когда ему было только сорокъ три года съ небольшимъ.

### III.

Съ 1824 года положеніе преосвященнаго Филарета какъ члена синода было затруднительно. Оберъ-прокуроръ синода, князь П. С. Мещерскій, человекъ глубоко религіозный и съ доброю, мягкою душою, благоговѣлъ предъ синодомъ и не имѣлъ особеннаго вліянія на ходъ синодальныхъ дѣлъ. Первенствующая роль въ синодѣ къ этому времени перешла къ митрополиту Серафиму, авторитетъ котораго особенно послѣ того, какъ ему удалось свергнуть князя Голицына съ поста министра духовныхъ дѣлъ, значительно поднялся въ общественномъ мнѣніи. Тонъ всему синодальному управленію давалъ митрополитъ Серафимъ. Помощникомъ и правою рукою его въ синодѣ былъ извѣстный уже кievскій митрополитъ Евгеній, не долюбивавшій московскаго владыку. Съ 1824 г. отношенія Серафима къ Филарету московскому стали отзываться холодностію. Главною причиною къ тому послужило сочувствіе Филарета библейскому обществу и особенно предпринятому имъ переводу священнаго писанія на русскій языкъ, между тѣмъ какъ Серафимъ, прежде сторонникъ библейскаго общества, съ 1824 года сдѣлался фанатическимъ противникомъ какъ библейскаго общества, такъ и самой мысли о переводѣ священнаго писанія на русскій языкъ. Въ концѣ 1827 года Филаретъ писалъ изъ Петербурга своей матери: „я здѣсь чужой и хочу такимъ оставаться, а потому уклоняюсь отъ сношеній, кромѣ необходимыхъ“<sup>1)</sup>. Не смотря на то, что Филаретъ чувствовалъ щекотливость своего положенія въ отношеніи къ Серафиму, онъ всячески старался уступать ему и сохранить съ нимъ добрыя отношенія, почитая въ немъ своего рукополо-

<sup>1)</sup> Письма митрополита Филарета къ роднымъ. М. 1882, 288. Подобн. см. въ письмахъ Филарета къ викарію Иннокентію. Прибавленіе къ тв. св. отца за 1872 г., ч. XXV, 14.

жителя. И такія отношенія продолжались до самой смерти Серафима, послѣдовавшей въ январѣ 1843 года.

Отношенія Филарета къ императору Николаю Павловичу не отличались ровностью. Императоръ зналъ и высоко цѣнилъ великій умъ и нравственныя достоинства Филарета, но иногда расходился съ нимъ во взглядахъ, дѣлалъ ему разныя замѣчанія, хотя бывали и случаи такого рода, что и Филареть давалъ чувствовать государю силу своего авторитета и ему давалъ уроки.

Такъ разъ митрополитъ Филареть отказался освящать триумфальныя ворота <sup>1)</sup>, потому что на нихъ находились изображенія нѣкоторыхъ изъ языческихъ боговъ. Императоръ Николай Павловичъ самъ вздумалъ присутствовать на открытіи и освященіи триумфальныхъ воротъ. Когда флигель-адъютантъ государя пріѣхалъ къ Филарету и объяснилъ ему, что „государю императору благоугодно завтра освятить триумфальныя ворота“, Филареть, устремивъ взоръ долу, отвѣчалъ: „слышу“.

Флигель-адъютантъ продолжалъ: „Государю императору благоугодно, чтобы ваше высокопреосвященство сами изволили быть на освященіи“. Филареть отвѣчалъ тѣмъ-же „слышу“, такъ-же понутивъ голову и съ тою-же задумчивостью.

„Не будетъ-ли какихъ распоряженій, выше высокопреосвященство? Что прикажете доложить государю императору?“

— „А что слышите“, отвѣчалъ тѣмъ-же тономъ владыка.

Когда государь спросилъ: „а что Филареть?“ флигель-адъютантъ доложилъ, что онъ его не понялъ и достословно передалъ государю свой разговоръ съ высокопреосвященнымъ.

— „А, такъ я понимаю“, замѣтилъ государь. „Приготовить лошадей: я сегодня уѣзжаю“. Такимъ образомъ открытіе происходило въ отсутствіе государя. Полковой священникъ отслужилъ предъ войсками молебень и участіе церкви въ этомъ торжествѣ тѣмъ и кончилось <sup>2)</sup>.

Понятно, какъ бы ни были справедливы въ глазахъ императора дѣйствія митрополита Филарета, все-такъ они не могли быть ему особенно пріятны. На этомъ основаніи Николай Павловичъ взвѣшивалъ каждый поступокъ московскаго митрополита, прислу-

<sup>1)</sup> Заложены были въ 1829 году. Сушковъ, 270.

<sup>2)</sup> „Русскій Архивъ“ 1878 г., № 12. Разказы изъ недавней старины, 515.

шивался въ каждому его публичному слову. Иногда отсюда возникали цѣлыя исторіи.

Въ 1830 году свирѣпствовала въ Москвѣ страшная холера. Императоръ Николай Павловичъ, чтобы поддержать упавшій отъ страшнаго бѣдствія духъ народа древней столицы, въ октябрѣ 1830 года самъ нарочно пріѣхалъ въ Москву. 5-го октября, въ день трехъ святителей московскихъ, митрополитъ Филаретъ, въ присутствіи государя, говорилъ слово при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныхъ болѣзни, въ большомъ Успенскомъ соборѣ. Одна, вскользь брошенная проповѣдникомъ, мысль о томъ, что народъ иногда страдаетъ за грѣхи своихъ правителей <sup>1)</sup>, показала подозрительную государю. Онъ готовъ былъ видѣть намекъ на самого себя. Народная молва подхватила это и раздула дѣло. Государь, чрезъ графа Петра Александровича Толстого, сдѣлалъ замѣчаніе московскому митрополиту <sup>2)</sup>. Филаретъ, прежде чѣмъ отдать свою только что сказанную проповѣдь въ печать, отправилъ ее въ рукописи къ графу Толстому для того, чтобы тотъ представилъ ее государю. При чемъ свою рукопись онъ сопровождалъ слѣдующимъ письмомъ, адресованнымъ имъ на имя графа Толстого:

„Сіятеильнѣйшій графъ! милостивый государь! Хотя, по возможности, вслушиваюсь и я въ народный голосъ, чтобы неправильныя мнѣнія исправлять, а правильныя поддерживать; и хотя не встрѣчалось мнѣ замѣчанія подобнаго тому, которое ваше сіятельство сообщили мнѣ по высочайшей волѣ; но сіе замѣчаніе, какъ ваше сіятельство удобно разсудите изволите, поставило меня въ великую заботливость о томъ, что я говорю. Посему, по нѣкоторымъ причинамъ вскорѣ могущаго послѣдовать отбытія его император-

<sup>1)</sup> Вотъ это мѣсто изъ слова Филарета: „Господи, общавши нѣкогда не губить цѣлаго града десяти ради въ немъ праведниковъ, и ради покаянія единого Давида, повелѣвшій ангелу погубляющему отъяти руку свою отъ Иерусалима, пощади и спаси градъ сей ради известнаго Тебѣ въ немъ числа покаявшихся отъ грѣховъ своихъ! Много должно утѣшать и ободрять насъ, братіе, и то, что творитъ среди насъ помазанникъ Божій, благочестивѣйшій государь нашъ. Онъ не причиною нашего бѣдствія, какъ нѣкогда былъ первою причиною бѣдствія Иерусалима и Израіля Давидъ (хотя конечно по грѣхамъ и всего и рода), однако съ Давидовымъ самопожертвованіемъ приемиетъ Онъ участіе въ нашемъ бѣдствіи“. Полное собраніе сочиненій митрополита Филарета, т. III. М. 1877 г., стр. 153—156.

<sup>2)</sup> Такое замѣчаніе было передано гр. П. А. Толстымъ не лично, а чрезъ своего адъютанта, гвардіи полковника Павла Александровича Мухомова, который лично намъ объ этомъ рассказывалъ въ 1870 г. Ред.